

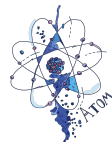
Российско-японские отношения и китайский фактор: эволюция и трансформация (2012-2022 гг.)

Лузянин Сергей Геннадьевич

Доктор исторических наук, профессор, Департамент зарубежного регионоведения Научно-Исследовательского Университета «Высшая Школа Экономики» (НИУ ВШЭ) (адрес: 101000, Москва, Мясницкая, 20); профессор кафедры востоковедения МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). ORCID: 0000-0001-9578-6023; E-mail: luzyanin.sergey@mail.ru

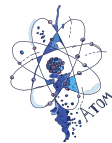
Аннотация

Избрание в 2012 г. В.В. Путина на новый президентский срок и его дальнейшие внешнеполитические инициативы сказались на активизации внешней политики России в целом и на японском направлении в частности. В статье предпринимается попытка осветить развитие российско-японских связей в период 2012–2022 гг., включая фазу обострения отношений после начала специальной военной операции России на Украине 24 февраля 2022 г. и присоединения Японии к антироссийским санкциям США, а также роль и влияние Китая на двусторонний российско-японский формат, на регион Восточной Азии и др. Автор, опираясь на работы ведущих российских специалистов, рассматривает динамику взаимного восприятия образов России и Японии на уровне российского и японского общественного мнения, специфику китайско-американских отношений в условиях торговой войны в японском измерении. Особое внимание уделено изучению эволюции российско-японских торгово-экономических, военно-политических, энергетических, арктических и гуманитарных контактов. В работе прослеживаются особенности российской, японской и китайской мотиваций по вопросам региональной безопасности, их отношение к украинским событиям, включая проведение российской СВО, реакция Москвы на антироссийские санкции Токио, на давление США и их союзников. В общем виде сформулирована проблема эволюции условного треугольника «Россия – Япония – Китай» на современном этапе, деформация его ключевых элементов и перспективы дальнейшего развития. Автор концентрируется на освещении российско-японских контактов в сферах региональной безопасности до и после 24 февраля 2022 г., включая южно-курильские опции, а также на анализе скрытых, возможных японских политических мотиваций в период правления С. Абэ по проблемам углубления российско-



китайского стратегического партнёрства и проекции этого партнёрства на безопасность Японии и японо-американский военно-политический союз. Важным в работе представляется освещение динамики российско-японских политических отношений в свете оформления российским руководством статуса Японии как «недружественного государства» и дальнейшее развитие двусторонних – российско-японской и российско-китайской – моделей взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: Китай, Россия, инвестиции, безопасность, Япония, торговля, трансформация угроз, санкции, «недружественное государство»

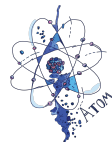


Введение

Избрание в 2012 г. В.В. Путина на новый президентский срок и его дальнейшие внешнеполитические инициативы сказались на активизации внешней политики России в целом и политики на японском направлении в частности. В условиях разворачивающегося российского поворота на Восток вплоть до проведения специальной военной операции 24 февраля 2022 г. и полноформатного подключения Японии к антироссийским санкциям США, российско-японский трек, несмотря на сохранение приоритетности стратегического партнёрства с Китаем, рассматривался Москвой как один из дополнительных вариантов диверсификации внешней политики, как часть стратегии с опорой на разные центры силы в АТР. При этом торгово-экономические и инвестиционные ресурсы российско-японского сотрудничества позволяли Москве использовать их в качестве дополнительной компенсации западных экономических санкций, введённых против России в 2014 г. Очевидно, что после выхода Японии из статуса нейтрального и перехода в группу «недружественных государств», данные опции для России либо полностью исчезли, либо значительно сократились.

С другой стороны, развитие двусторонних российско-японских и китайско-японских отношений, а также российско-китайского партнёрства по вопросам, затрагивающим японские интересы, может быть представлено в виде условного треугольника «Россия - Япония - Китай», включающего в себя региональную безопасность, торгово-экономические, гуманитарные и прочие проблемы. Очевидно, что каждая двусторонняя модель существует в собственной парадигме, но при этом китайский фактор влияет не только на российско- японские отношения, но и на международную расстановку сил в мире в целом и в Восточной Азии в частности.

В статье предпринимается попытка осветить эволюцию российско-японских отношений до специальной военной операции России (24 февраля 2022 г.) и после неё, включая те её аспекты, которые связаны с влиянием Китая на эти отношения, и роль Пекина в расстановке сил в регионе с учётом американского фактора. Автор затрагивает проблему эволюции взаимного восприятия в историческом и современном плане, асимметричность стереотипов. Особый акцент делается на анализе проблематики региональной безопасности, изменении



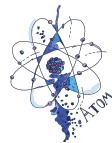
подходов российского руководства по вопросам размещения Японией американских систем ПРО, южнокурильской проблемы в российско-японских отношениях, арктической повестки Москвы, Токио и Пекина, эволюции торгово-экономических связей России и Японии в условиях усиления антироссийских санкций и обострения украинского кризиса.

Российско-японская модель взаимодействия: экономические параметры

Российское восприятие Японии во второй половине XX в., несмотря на достаточно непростую историю отношений за последние 100 лет, в целом было позитивным, без агрессии и враждебности. Народы двух государств пережили русско-японскую войну 1904- 1905 гг., больно ударившую по самолюбию и дальневосточным (курильско-сахалинским) территориям царской России, и Вторую мировую войну (1939-1945 гг.), уничтожившую японский милитаризм и вернувшую СССР утраченное - территориальную и политическую справедливость.

Японский технологический взрыв 1970-1980 гг. и загадочные культурные артефакты притягивали внимание всего мира, вызывая восхищение и желание разгадать путь «японского воина» XX века [Овчинников 1975]. Восстановление по итогам Совместной советско-японской декларации от 19 октября 1956 г. дипломатических отношений СССР и Японии и неудачная попытка подписания мирного договора, решения Южно-Курильской проблемы, тем не менее, не воспринимались как политический тупик или катастрофа в отношениях двух государств. Классический, блоковый, биполярный мир «СССР - США» органично встраивал в свою структуру незавершённую советско-японскую модель, которая мирно эволюционировала в 1990-е гг. в российско-японскую, дополнив её надеждами и ожиданиями разрешения территориальной дилеммы.

В самой Японии образ СССР был деформирован историческими стереотипами. По мнению Д.В. Стрельцова, «... в условиях идеологического противостояния Японии и СССР в период холодной войны происходила передача травматического опыта и стереотипов от поколения к поколению. В рамках такой парадигмы Советский Союз оставался для Японии "источником всевозможных бед". К тому же в Стране восходящего солнца не

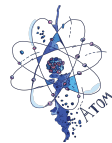


сложилось сильных лоббистских групп в пользу отношений с СССР, так как он занимал относительно низкое положение в шкале внешнеполитических и экономических приоритетов Токио» [Стрельцов 2022, с. 44].

«Ельцинская эпоха» добавила противоречивости и необоснованных взаимных ожиданий - в Японии элиты и население были уверены, что в 2000 год страна вступит, вернув «северные территории», а в России - что поток японских инвестиций и технологий вот-вот хлынет на российские территории, сказочно обогатив их, и что сам факт подписания большого Договора - вопрос почти решённый. В марте 1991 г. в высших эшелонах российской власти рассматривались варианты продажи Южно-Курильских островов за 28 млрд долл. США (миссия Одзава Итиро).

Первое пребывание В.В. Путина в 2000-2008 гг. на посту президента России во многом ознаменовалось на японском направлении попытками устранения двусмысленности вокруг территориального вопроса. 27 сентября 2005 г. В.В. Путин, выступая перед своим официальным визитом в Японию, сделал заявление японским СМИ о том, что четыре Южно- Курильских острова находятся под суверенитетом России и это закреплено международным правом по результатам Второй мировой войны, что вызвало тогда отрицательную реакцию в среде японских экспертов и учёных, писавших о том, что новая линия В.В. Путина якобы разрушает сложившуюся в 1990-е гг. линию Б.Н. Ельцина.

Российско-японский экономический трек по отдельным отраслям развивался соответственно конъюнктуре, складывавшейся на том или ином этапе. Показатель двусторонней торговли в 2007 г. оценивался в 7,1 млрд долл. США, объём накопленных прямых инвестиций - 3,1 млрд долл. США, из которых 2,5 млрд приходилось на запущенный в том же году проект «Сахалин-1» с участием японской компании «Содэко», а также проект «Сахалин-2» с участием «Мицубиси» и «Мицуи». Открывались определённые перспективы увеличения нефтяного российского импорта, другие опции. Исторического максимума российско-японская торговля достигла в 2013 г., составив 33,2 млрд долл. США, далее она пошла на спад: 2014 г. - 30,8 млрд долл.; 2015 г. - 21,3 млрд долл., 2016 г. - 16,1 млрд долл. [Перспективы развития 2019, с. 23-32, 37-40].



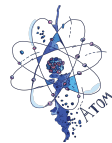
В апреле 2013 г. после 10-летнего перерыва состоялся официальный визит японского премьер-министра С. Абэ в Россию, наметивший политические сдвиги в двусторонних отношениях. Крымские события 2014 г. на некоторое время затормозили политический процесс, однако Токио присоединился к антироссийским санкциям лишь формально, и японское участие в них не принесло в тот период серьёзного ущерба российской экономике. 6 мая 2016 г. в Сочи состоялась новая встреча В.В. Путина и С. Абэ, который пренебрёг настоятельными советами США отказаться от контактов с руководителем России и с большим энтузиазмом и заинтересованностью провёл все запланированные встречи.

По итогам встречи был подписан План экономического сотрудничества из 8 пунктов: 1) кооперация в сфере поддержки малого и среднего бизнеса; 2) развитие городской среды; 3) сотрудничество в сфере энергетики; 4) подъём Сибири и Дальнего Востока; 5) развитие российского здравоохранения; 6) диверсификация российской промышленности в сторону усиления высокотехнологических и обрабатывающих секторов; 7) углубление научно-технической кооперации; 8) формирование гуманитарных обменов [«Азиатский поворот» 2022, с. 64-69, 71].

С 2017-2018 гг. в двусторонних торгово-экономических отношениях стала просматриваться позитивная динамика: в 2017 г. торговля оценивалась в 18,1 млрд долл.; в 2018 г. - 18,3 млрд; в 2019 г. - 21,3 млрд. В 2020 г. в условиях пандемии COVID-19 товарооборот сократился до 16,2 млрд долл., отставая в 6 раз от российско-китайского и в 3 раза от российско-южнокорейского.

При этом структура российского экспорта в Японию не менялась ни на пике (2013 г.), ни в период спада (2016 г.) - 76 % приходилось на продукцию минерального сырья, включая углеводороды и небольшую долю металлов, драгметаллов, древесину (5,5 %), целлюлозу (4 %), машины и оборудование (1,1 %) и др. Импорт на протяжении последнего десятилетия также в структурном плане не менялся - около 80 % товаров составляли японские машины и оборудование.

К 2017-2018 гг. увеличились инвестиционные доли японской корпорации «Содэко» до 30 % в акциях топливно-энергетического проекта «Сахалин-1» и до 12,5% компании «Мицуи» и 10 % компании «Мицубиси» в проекте «Сахалин-2». При этом на экспорт в Японию приходилось в тот период до 20 % объёма нефти с проекта «Сахалин-1» и до 30 % с «Сахалин-2», а



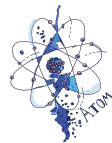
также около 80 % СПГ с завода, построенного в рамках проекта «Сахалин-2» [Перспективы развития 2019]. Возникло ощущение, что сахалинские проекты по содержанию были некоей скрытой формой японского неокOLONиализма, юридически умело встроенного в соглашения о совместном разделе продукции (СРП) и лоббируемые заинтересованными бизнес-группами в России и Японии.

В 2018-2019 гг. был запущен Перекрёстный год России и Японии, в котором акцент делался на углубление народной дипломатии, а в 2020-2021 гг. на этом же треке был проведён Год российско-японских межрегиональных и побратимских обменов. 5 июня 2021 г. на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ-2021) состоялась сессия «Россия - Япония», на которой обсуждался ряд актуальных вопросов под модераторством президента Японской ассоциации по торговле с Россией и новыми независимыми государствами (РОТОБО) Мураяма Сигэру и председателя Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», председателя совета директоров группы компаний «Р-Фарм» Алексея Репика [Горчакова, Казаков 2021, с. 71-73, 75].

Другими словами, в российско-японской модели образца 2019-2021 гг. открывались отдельные позитивные «окна» кооперации - межрегиональные, гуманитарные, общественнонаучные и пр., но при этом главных прорывов на инвестиционно-экономическом и тем более политическом поле не наблюдалось.

Двойственный смысл имела и программа сотрудничества из 8 пунктов. Российские эксперты отмечали два её принципиальных момента: она носила эклектичный характер, объединяя практически все основные экономические процессы двусторонней кооперации, с ориентацией не на достижение конкретного результата, а на продвижение японского «бренда» в плане превосходства японского над всем российским. Форма доминировала над содержанием.

Отдельные направления программы, например увеличение продолжительности здоровой жизни россиян за счёт повышения уровня медицинского обслуживания и др., выглядели как некая социальная «благотворительность» с учётом более продвинутого по сравнению с российским японского образа жизни. Равноправный принцип был фактически демонтирован и заменён японским снисходительным «покровительством» [Нелидов 2022, с. 49-55, 59-61].



Кроме социально-рекламного компонента, скрытым мотивом японской стороны была реализация главной установки - экономическая помощь в обмен на территориальные уступки. Программа сотрудничества, несомненно, содержала, в завуалированной форме, политический подтекст.

Арктическая повестка

План экономического сотрудничества включал также российско-японское арктическое направление кооперации. В мае 2013 г. при поддержке России Япония получила статус наблюдателя в Арктическом совете - основной международной структуре в составе основных арктических государств - России, Канады, США, Дании, Финляндии, Норвегии, Исландии и Швеции. Интерес Японии был обусловлен тремя факторами: а) возможностью использования Северного Морского Пути (СМП) для более удобной транспортировки товаров; б) подключением к энергетическим ресурсам Арктики, включая производство и транспортировку СПГ на Ямале; в) возможностью контроля сферы военной безопасности в условиях растущей конкуренции с Китаем в арктической зоне.

В декабре 2019 г. российское правительство утвердило План развития инфраструктуры СМП на период до 2035 г., который предусматривал развитие ледокольного флота, портовой инфраструктуры, северных российских территорий, в основном депрессивных, лежащих вдоль арктического пути и др. Кроме внутренних ресурсов, для реализации масштабных планов предполагались и внешние источники финансирования, особенно в углеводородной (газовой) сфере, со стороны французских, китайских, японских и южнокорейских компаний.

По итогам переговоров российской компании «Новатэк» с японскими представителями корпораций JOGMEC, JGC и Chiyoda была подписана серия соглашений о строительстве трёх линий по производству СПГ в 2023-2026 гг. на Ямале. Итоговым стал заключённый 29 июня 2019 г. на полях саммита G20 в г. Осака (Япония) контракт о покупке японскими компаниями 10 %-ной доли в проекте «Арктик СПГ-2». При этом 60% акций сохранял «Новатэк», 7,1 % принадлежало французской Total и по 10% имели китайские корпорации CNOOC и SINOPEC.

По оценкам российских специалистов, значение проекта «Арктик СПГ-2» для России и Японии было связано с



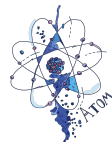
открывавшейся возможностью соединить российский газ, японские финансы и технологии, трудовые ресурсы и промышленные мощности стран АСЕАН и Южной Азии в единое целое. Морские северные коридоры могли стать новой логистической основой для дальнейшего экономического развития региональной экономики, а российско- японское сотрудничество в Арктике приобретало и глобальное измерение. Японская концепция свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона через арктические углеводородные и транспортные проекты в тот период объективно коррелировалась с российской концепцией Большой Евразии [Стрельцов 2021].

При этом более прикладная японская мотивация просматривалась в том, что с помощью российских арктических газовых проектов Япония стремилась диверсифицировать свой импорт СПГ, который на 60 % был сконцентрирован на трёх страновых треках - малайзийском, катарском и австралийском. К тому же доставка СПГ с Ямала в плане маршрутной логистики была более комфортна для неё, чем ближневосточные варианты.

Серьёзным конкурентом для Японии в арктической зоне с 2013 г. становился Китай, который в рамках своей мега-инициативы «Пояс и путь», помимо сухопутного (евразийского) и южного морского маршрутов, запустил северную морскую версию, официально названную «Ледовый шёлковый путь» [2017]. В январе 2018 г.

Государственный совет КНР опубликовал «Белую книгу» по арктической политике Китая, в которой была подробно прописана северная стратегия Китая и планы сотрудничества с арктическими государствами, включая Россию. Были сформулированы четыре цели его политики: «изучать», «защищать», «развивать» Арктику и «участвовать» в арктическом управлении, что необходимо для «защиты общих интересов» и «обеспечения устойчивого развития» [Петровский, Филиппова 2022, с. 87-89, 91-95, 114].

Россия, используя китайские инвестиционные и технологические возможности, а также японские ресурсы, работала в данном арктическом регионе одновременно на двух кооперационных дорожках - китайской и японской. В практическом плане китайское влияние было выше, чем японское, но сам факт присутствия Страны восходящего солнца на русском арктическом Севере позволял России сохранять возможность маневрирования в арктических делах, не привязывая свои проекты исключительно к китайскому влиянию.



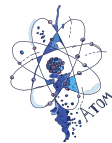
При этом в отношениях со всеми иностранными партнёрами с самого начала сотрудничества Россия ставила условие обязательного признания безусловного российского приоритета в эксплуатации СМР, определяемого географическими, правовыми и историческими факторами, что означало отвержение попыток отдельных государств говорить о необходимости «интернационализации» Северного пути.

Южно-Курильские измерения

Важным компонентом российско-японских трансграничных связей была попытка наладить совместную хозяйственную деятельность на Южных Курилах. Политически решение было принято в декабре 2016 г. на саммите руководителей России и Японии, включая предоставление безвизового режима жителям Южных Курил для посещения Японии. Однако первые же совместные шаги стали наталкиваться на японское желание проводить эту деятельность под своей юрисдикцией. Интерес японских компаний, пытавшихся развивать острова, был политический, в то время как российскую сторону интересовала экономическая возможность привлечения капитала и других ресурсов в эти депрессивные и отдалённые регионы России. Принципиальным стал вопрос регулирования совместной работы на островах исключительно в рамках российского законодательства, что вызывало противодействие и саботаж со стороны японцев.

26 июля 2021 г. премьер-министр РФ М.В. Мишустин в ходе своего посещения Южно-Курильских островов объявил о создании свободной таможенной территории, освобождении от налогов (НДС, имущественного налога, налогов на землю, на транспортные средства и др.) для резидентов, кроме бизнеса по вылову и экспорту морепродуктов. Выгодные предложения российского руководства были рассчитаны не только на азиатский (японский, китайский и др.) бизнес, но и на привлечение внимания отечественных предпринимателей и инвесторов к отдалённым дальневосточным территориям.

3 сентября 2021 г. российский президент, выступая на VI Восточном экономическом форуме во Владивостоке, уточнил, что речь идёт о налоговых льготах на 10 лет для компаний, которые не просто зарегистрировались на островах, а ведут реальную предпринимательскую деятельность, что ввозить товары, оборудование и вывозить готовую продукцию на всей территории



Курильских островов будет гораздо легче и выгоднее, поскольку будет действовать режим свободной таможенной зоны.

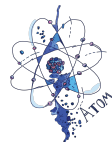
Подтекст выступлений российских руководителей означал смену акцентов по привлечению на острова потенциальных предпринимателей и инвесторов. Вместо безуспешного «заманивания» японских компаний, выставлявших постоянные требования и претензии своей юрисдикции и «прав» на данные территории, расчёт стал делаться на российские и иностранные (неяпонские) предпринимательские группы. Фактически «эксклюзивность» Японии на ведение переговоров о совместном хозяйственном освоении Курильских островов стала размываться, что вызвало закономерную нервную реакцию японского МИД и СМИ [Казаков 2021, с. 31-34].

Инвестиционный вклад Японии в Россию к 1 января 2021 г. оценивался в 2,4 млрд долл. ПИИ, что свидетельствовало о низкой мотивации японских компаний и нежелании серьёзно вкладываться в развитие российской инфраструктуры и производства. Японские бизнесмены и эксперты ссылались на административные и налоговые сложности и препятствия для ведения японского бизнеса. При этом на крупных форумах обсуждались и мега-проекты: строительство моста между Сахалином и Хоккайдо, газопровода с Сахалина в Японию и др.

Региональная безопасность

Российско-японские связи развивались в условиях существования сложившихся конкурирующих партнёрств - союзнического японо-американского и стратегического российско-китайского, а также отсутствия между двумя странами мирного договора и наличия Южно-Курильской проблемы - нерешённого вопроса пограничного размежевания. При этом в тот период наблюдалась достаточно высокая степень кооперации и взаимопонимания в сферах военной и региональной безопасности.

Ключевым политическим треком оставался переговорный формат по мирному договору, который формально существовал, но фактически не развивался, поскольку базовое условие для его подписания - предварительное признание Японией итогов Второй мировой войны, включая легитимность вхождения всех четырёх Южно-Курильских островов в состав СССР - не выполнялось.

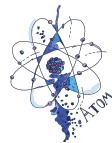


Развивался диалоговый формат «2 + 2» (министры обороны и министры иностранных дел двух стран), созданный в 2013 г., а также интенсивные личные контакты двух лидеров. В В. Путин и С. Абэ 27 раз встречались в течение 2013-2020 гг., японский премьер И. Абэ раз посещал Россию с официальными визитами. Большая часть встреч была посвящена, в числе прочего, вопросам глобальной и региональной безопасности. Проводились консультации между Советами Безопасности РФ и Японии, а 15 января 2020 г. российский президент В.В. Путин принял председателя Совета национальной безопасности Японии С. Китамура. По результатам консультаций стали ежегодно проводиться совместные российско-японские антипиратские учения в Аденском заливе и других морских акваториях с участием кораблей Балтийского флота.

Японские и российские представители силовых и специальных служб в 2013-2020 гг. вели ситуативные мониторинги и совместные консультации по профильному анализу «горячих точек» - на Ближнем Востоке, Корейском полуострове, африканском континенте, включая обсуждение мер доверия в военной области, стратегии и тактики антитеррористической борьбы. С 2017 г. произошло заметное усиление сотрудничества в борьбе с киберпреступностью, велась подготовка специалистов высокого класса в сфере информационной безопасности и IT-технологий.

Одной из причин такой успешности, на наш взгляд, был реалистичный подход Токио к стратегическим угрозам и вызовам Японии в регионе, который доминировал в японском руководстве и ранее, но особенно усилился в годы правления С. Абэ. Несомненно, что японский премьер, оставаясь консерватором и выражая правые, националистические взгляды, придерживался и отстаивал традиционные внешние ценности - укрепление союзнических отношений с США, размещение американских ракет средней дальности на японских островах, качественное усиление Сил самообороны, изменение ст. 9 Конституции Японии, возвращение «северных территорий», почитание духов японских погибших воинов в годы Второй мировой войны и т.д. В 2013 г. он посетил храм Ясукуни, вызвав протесты руководства КНР и других стран материковой Азии.

При этом на волне быстрого подъёма Китая и усиления неконтролируемой северокорейской ядерной программы С. Абэ и его окружение понимали, что в целях безопасности Японии российский военно-политический фактор необходимо встраивать



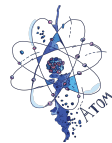
в общее японское видение региональной ситуации, что с Россией лучше сохранять нейтрально-дружеские отношения, чем враждебные, которые бы к тому же усугублялись мощным российско-китайским тандемом.

Понимая, что российско-китайское стратегическое партнёрство вряд ли удастся разрушить или демонтировать с помощью американского сдерживания, С. Абэ, вероятно, пытался, с одной стороны, «законсервировать» российско-китайский тандем, а с другой - найти допустимую линию с Россией в плане совместного обсуждения общих проблем - борьба с терроризмом, ядерное распространение, северокорейская тема, борьба с кибер преступностью и др.

В свою очередь, Токио на пике контактов с Москвой, видимо, демонстрировал Москве свои озабоченности возвышением Пекина, давая неформальные, скрытые сигналы о возможности мягкого, постепенного дистанцирования России от Китая в обмен на большие финансово-экономические и политические дивиденды. Поскольку вряд ли такие сигналы находили даже косвенную поддержку В.В. Путина, не исключено, что С. Абэ на каком-то этапе стал проводить иную тактику - с одной стороны, демонстрируя Москве своё согласие на неконфликтную консервацию «двухполюсного» японо-американского и российско-китайского статус-кво в Северо-Восточной Азии, а с другой - давая добро на экономическое развитие треугольника «Россия - Китай - Япония», включая поддержку российской позиции на невмешательство в китайско-японский островной спор по принадлежности Сэнкаку/Дяоюйдао и другие чувствительные для Японии вопросы.

При этом стратегическая цель Японии была развести Китай и Россию по разным «комнатам ожиданий» в плане приоритетности угроз для Японии. КНР и КНДР явно шли тогда первым номером, а решение «русского вопроса» С. Абэ, скорее всего, откладывал на более отдалённые сроки, учитывая, каким сложным партнёром оказался для него В.В. Путин.

Подобный японский подход объективно позволял тогда России извлекать тактические выгоды от сотрудничества с Японией (технологические и инвестиционные ресурсы для подъёма Сибири и Дальнего Востока), совпадал с общей линией Москвы на поиск сбалансированной политики в Южной и Восточной Азии с опорой не только на Китай, но и на другие азиатские государства - Южную Корею, Японию, страны АСЕАН, Индию. Россия придерживалась строгого нейтралитета по островным

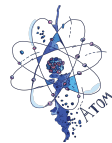


коллизиям Поднебесной с Японией, Вьетнамом и другими государствами в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Москву и Токио также сближали общие подходы по необходимости денуклеаризации Северной Кореи.

В период президентства Д. Трампа, в условиях развернувшейся китайско-американской торговой войны и геополитического противостояния Пекина и Вашингтона, серьёзное деформирующее влияние на треугольник «Россия - Япония - Китай» стал оказывать американский фактор. Обострение китайско-американских отношений автоматически втягивало Россию и Японию в данный конфликт, соответственно, каждую на стороне своего партнёра - КНР или США, деформируя российско-китайско-японскую, относительно стабильную до 2017 г., региональную подсистему.

С другой стороны, американо-китайская конфронтация объективно усиливала значимость и ценность Японии в глазах США как источника передовой технологической продукции двойного назначения и важного союзника, потенциально стоящего на более глубоких антикитайских и антироссийских позициях, чем Южная Корея и другие азиатские партнёры США. Задача Д. Трампа и пришедшего в Белый Дом в 2021 г. Дж. Байдена заключалась в том, чтобы максимально быстро раскрыть эти позиции, усилив общую стратегическую линию против КНР и России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Постепенно менялась и позиция России в отношении японо-американского тандема. Так, если ещё в марте 2018 г. российский министр иностранных дел С.В. Лавров говорил о том, что Россия уважает право Японии на выбор своих партнёров, форм сотрудничества с ними в военной сфере, то после декабря 2018 г., когда японцы приняли решение о размещении на своей территории ракетных комплексов ПРО Aegis Ashore, она стала постепенно меняться. В 2018-2020 гг. во время официальных встреч на разных уровнях российская сторона заявляла, что планы размещения в Японии американских систем ПРО, официально направленных против КНДР, являются источником прямой военной угрозы для России, так как теоретически системы могут быть перенастроены против российского ракетного потенциала. Тезис о возможности размещения в Японии американских ракет, направленных на Россию, получил дополнительную подпитку после принятого в 2019 г. президентом Трампом решения о выходе США из Договора о



ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) [Стрельцов 2022, с. 120].

В июне 2020 г. Япония приняла решение отказаться от размещения американских ракет ПРО, но было очевидно, что страна начинала укрепление своей противоракетной обороны с расчётом на новую американскую помощь в рамках приоритетов военной программы на период 2019-2023 гг. При этом официальные объяснения Токио традиционно связывал с северокорейской угрозой, но в оборонной риторике японского руководства стали более рельефно просматриваться также китайский и российский факторы.

В период правления С. Абэ был увеличен военный бюджет, принято новое законодательство в сфере национальной безопасности и два плана государственной обороны (2014 и 2019 гг.), создан новый орган внешнеполитического и военного планирования - Совет национальной безопасности.

Свой первый официальный визит пришедший на смену С. Абэ премьер Ё. Суга нанёс во Вьетнам и Индонезию в октябре 2020 г. В Ханое он продемонстрировал намерение продолжать сотрудничество в деле развития потенциала береговой охраны Вьетнама, которая была ориентирована на сдерживание военных приготовлений КНР в Южно- Китайском море. При этом новый японский премьер одновременно и в своих публичных выступлениях, и при планировании проектов регионального сотрудничества пытался заручиться и поддержкой Китая, фактически, работая сразу на двух альтернативных площадках. За подобными действиями стояла поддерживавшая Суга влиятельная фракция Никой правящей Либерально-демократической партии, традиционно занимающая прокитайскую позицию. Поэтому, несмотря на принятие Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП) закона «О национальной безопасности Гонконга», эта фракция смогла заблокировать любые попытки использовать этот документ для отмены государственного визита председателя КНР Си Цзиньпина в Японию, запланированного на апрель 2020 г., но отложенного из-за пандемии COVID-19 [Стрельцов 2020, с. 37, 42-47].

Со своей стороны, Россия в 2020 г. проводила мероприятия по военно-техническому усилению Южно-Курильских островов, укреплению своей военной структуры, включая размещение ракетных комплексов береговой обороны «Бал» и «Бастион» [Перспективы развития 2019, с. 13]. Важным



внутриполитическим моментом было принятие в июне 2020 г. поправок в Конституцию Российской Федерации п. 2.1 ст. 67 о запрещении действий, направленных на отчуждение части территории России, а также призывов к таким действиям. Смысл поправок - политически и юридически укрепить территориальную целостность России, включая демонтаж потенциальных японских притязаний.

В интервью еженедельнику «Аргументы и факты» секретарь Совета безопасности РФ Н.П. Патрушев, комментируя активность США на мировой арене и роль Японии в американском QUAD, отметил процесс «азиатизации» НАТО через данный проект, подчеркнув, что США втягивают в него другие страны, главным образом «... для проведения антикитайской и антироссийской политики», включая и ещё один оформившийся военный блок - американо-британо-австралийский AUKUS, преследующий те же цели¹. 18 октября 2021 г. в рамках проводимых российско-китайских военно-морских учений «Морское взаимодействие» пять российских и пять китайских военных кораблей, впервые обогнув японский архипелаг, вошли в акваторию спорных островов Восточно-Китайского моря. Был использован демонстрационный эффект военно-политического позиционирования российско-китайского тандема.

Российско-китайские военно-морские учения вблизи Японии вызвали в среде китайских экспертов и обозревателей повышенное внимание и одобрительные комментарии. В 2017-2021 гг. вышла серия статей и монографий ряда известных в КНР специалистов по китайско-японским отношениям и региональным проблемам морской безопасности в АТР, в которых были подробно проанализированы основные военно-технические и политические компоненты российско-китайских учений и морских проектов. Подчёркивалось, что чем больше будет совместных заходов российских и китайских кораблей в окружающие Японию акватории, тем сильнее будет работать «морское сдерживание» Японии, а следовательно, и США, и что Москва и Пекин остаются единственными силами, способными уменьшить амбиции Вашингтона и Токио в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях [Хань Цзиньмин/ф4Hf 2019; Чжан Юйли/ММlkr 2017; Ли Чонва 2020].

1. Цепная реакция хаоса. Николай Патрушев - о чуждых России союзах и ценностях // Аргументы и Факты. 2021. № 38. 21.09.2021. https://aif.ru/politics/russia/serpnaya_reakciya_haosa_nikolay_patrushev_o_chuzhdyh_rossii_soyuzah_i_cennostyah(дата обращения: 22.11.2022).



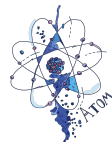
«Разломы» российско-японской модели после 24 февраля 2022 г.

Ещё до начала российской СВО, в 2021 г., российский эксперт В В Нелидов, формулируя наиболее вероятные сценарии развития двусторонних отношений, писал: «В случае, если негативные внешние и внутренние факторы окажутся сильнее обоюдной заинтересованности, стагнация двусторонних связей сменится сползанием к конфронтации. Стороны заморозят диалог по мирному договору, а политическая риторика с обеих сторон станет гораздо жёстче... Россия, - подчёркивает В.В. Нелидов, - будет названа в качестве угрозы наряду с такими странами, как КНР и КНДР» [«Азиатский поворот» 2022, с. 67].

В марте 2022 г., как и прогнозировал эксперт, именно так всё и произошло. После ухода по состоянию здоровья С. Абэ, новые премьер-министры, сначала Ё. Суга, а затем и Ф. Кисида, радикально меняют российский курс Японии, фактически, превращая Россию в своего основного врага. 25 февраля 2022 г. Япония вводит первый пакет санкций против РФ, ограничивая экспорт высокотехнологической продукции (проводники, платы, чипы и пр.) и приостанавливает выдачу виз российским гражданам.

16 марта 2022 г. японское правительство объявило об исключении РФ из режима наибольшего благоприятствования, автоматически повысив в разы пошлины на российские импортные товары, вносит в санкционные списки 15 физических и 7 юридических лиц, включая первых лиц страны. Токио заблокировал иенные счета и активы российских банков, включая Центробанк, 43 % японских компаний заявили либо о полном, либо о частичном прекращении своей деятельности в России, включая большой проект «Арктик-2». Единственным исключением пока остаётся «Сахалин-2», в котором Япония пытается остаться. Одновременно японское правительство провозгласило курс на поиск стран, которые бы смогли обеспечить в ближайшем будущем замену российских поставок нефти, угля, палладия, ферросплавов, инертного газа и др. 8 апреля 2022 г. Токио высылает из страны 8 российских дипломатов.

21 марта 2022 г. Россия прекратила переговоры с Японией по мирному договору, отменив совместную хозяйственную деятельность и безвизовые поездки между Южными



Курильскими островами и Японией, которая была внесена в список «недружественных государств».

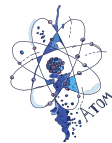
В японской риторике стал фигурировать тезис о том, что Россия через украинские события силой пытается изменить статус-кво в мире в целом и в Азии в частности, который раньше адресовался исключительно Китаю. Фактически Ф. Кисида, аннулировав наследие С. Абэ, начал выстраивать новую (конфликтную) подсистему в Северо-Восточной Азии, уравнивая в качестве главной угрозы для Японии Россию, Китай и Северную Корею. Автономность и стабильность треугольника «Россия - Япония - Китай» стала стремительно разрушаться, на смену данной структуре идёт новая конфронтационная модель, параметры и содержание которой пока до конца не ясны, кроме очевидного усиления блокового, силового характера отношений всех акторов в регионе, включая ракетный северокорейский компонент, от которого Япония с военно-технологической точки зрения защититься пока не может.

Неясными остаются перспективы дальнейшей эволюции российско-китайского партнёрства в японском измерении. Не исключено, что по мере обострения региональной ситуации и желания Японии и США взять под свой контроль «безопасность» спорных островов, Россия и Китай могут отойти от взаимного нейтралитета и перейти к совместной дипломатической и военной защите суверенитета и территориальной целостности своих территорий.

Очевидно, что нынешняя японская политика качественно модернизирует российско-китайский «союз», в том числе на антияпонской основе. С другой стороны, для России появление «недружественной Японии» значительно усиливает военно-политические риски и на Дальнем Востоке, и в Восточной Азии в целом. При этом российская попытка диверсификации своей восточноазиатской политики за счёт опоры (кроме Китая) и на другие азиатские центры пока выглядит проблематичной. В нынешних условиях роль Китая в российско-японском формате значительно возрастает.

Заключение

Таким образом, условная система «Россия - Япония - Китай» из относительно стабильной и самодостаточной структуры в условиях усиления китайско-американской торговой войны 2019-2021 гг., геополитических противоречий Пекина и

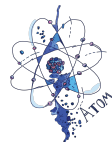


Вашингтона, обострения российско-американских отношений на санкционных и украинских треках постепенно превращается в систему параллельно развивающихся альтернативных и асимметричных двусторонних (российско-китайской, российско-японской и японокитайской) моделей.

Присоединение Токио к антироссийской санкционной политике Вашингтона и оформление российским руководством статуса «недружественной Японии» после 24 февраля 2022 г. усиливает процесс демонтажа российско-японских отношений в сферах региональной безопасности, торгово-экономических и инвестиционных контактов, усиливая дальнейшее военно-стратегическое сближение Москвы и Пекина, в том числе на антиамериканской и антияпонской основе. При этом китайско-японский двусторонний формат, несмотря на политическое обострение в Восточной Азии и сохранение конкурентных и стратегических «нестыковок» между Пекином и Токио (Тайвань, Корейский полуостров, спорные острова и др.), сохраняет позитивную торгово-экономическую и инвестиционную динамику, усиливая общую асимметричность треугольника «Россия - Япония - Китай».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы. Монография. Гл. 3 / под ред. А В Торкунова, Д.В. Стрельцова, Е.В. Колдуновой. Москва: Аспект Пресс. 2022. С. 47-73.
2. Горчакова Т.Е., Казаков О.И. К вопросу о влиянии COVID-19 на ситуацию в Японии и российско- японские отношения (2020 г. - первая половина 2021 г.) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 2. С. 66-77. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-2-66-77
3. Казаков О.И. О новых тенденциях в российско-японских отношениях // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 3. С. 26-36. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-3-26-36
4. Овчинников В.В. Ветка сакуры. Москва: «Молодая гвардия». 1971.
5. Перспективы развития российско-японских отношений на новом этапе: рабочая тетрадь. № 50/2019/ А П Панов, Д.В. Стрельцов, А.А. Киреева, В.В. Нелидов. Гл. ред. П С Иванов. РСМД. Москва: НП РСМД. 2019. 69 с.



6. Петровский Е.П., Филиппова Л.А. Россия и Китай в Арктике. Москва: Весь Мир. 2022.
7. Стрельцов Д.В. Куда пойдёт политика Японии в сфере безопасности после смены администраций в Токио и Вашингтоне? // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 34-49. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10023
8. Стрельцов Д.В. Российское направление политики Японии в Арктике // Японские исследования. 2021. №2. С. 110-126. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-110-126
9. Стрельцов Д.В. Факторы негативного образа СССР в Японии в период холодной войны // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 2. С. 32-46. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-32-46